

DOI: 10.25178/nit.2024.4.13

Статья

Городское многоязычие в российских регионах: языковые ландшафты и отношение к языкам (на примере Кызыла и Улан-Удэ)

Эржен В. Хилханова

Институт языкознания РАН, Российская Федерация,

Чечек С. Цыбенова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук,
Российская Федерация,

Вячеслав В. Иванов

Институт языкознания РАН, Российская Федерация

В статье анализируется отношение к языкам сквозь призму языковых ландшафтов и коммуникативных практик жителей столицы Республики Тува и Республики Бурятия — Кызыла и Улан-Удэ. Отношение к языкам и коммуникативные практики людей, включая выбор языка, выявлялись у горожан и владельцев бизнесов с помощью метода полуструктурированных интервью; всего было записано 30 интервью в 2021 и 2023 гг.

Исследование выявило, что, несмотря на неоднородность языковой среды Кызыла и Улан-Удэ, общая тенденция направлена на владение русским языком, особенно среди детей и молодежи. Отмечается схожесть визуальных языковых ландшафтов и отношений к языкам в Кызыле и Улан-Удэ. Фиксируются различия в коммуникативных практиках жителей обоих городов. Если в Кызыле неписанные правила и конвенции употребления языков в городском публичном пространстве находятся сейчас в стадии перелома, в Бурятии этот перелом произошел еще в советское время.

Описанные в статье коммуникативные практики, где сегодняшняя нормативность использования русского языка в публичной сфере сочетается с «маркированным» использованием тувинского и бурятского языков, интерпретируются в рамках понятия габитуса П. Бурдьё. Также одним из интересных результатов исследования является противоречие между желанием видеть тувинский и бурятский языки в языковом ландшафте и отсутствием действий в этом направлении со стороны большинства владельцев коммерческих заведений. Это противоречие может быть объяснено рядом причин. Это и несовпадение интересов бизнесменов и горожан, где первые предпочитают коммодификационные, прагматичные стратегии при нейминге своих заведений, а вторые в своих желаниях исходят из культурно-символических и идентификационных мотивов. В теоретической парадигме это можно назвать противоречием между символической ценностью родного языка и габитусом.

Ключевые слова: городское многоязычие; языковой ландшафт; отношение к языку; коммуникативная практика; коммуникативная норма; нейминг; Кызыл; Улан-Удэ; тувинский язык; бурятский язык

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00590, <http://rscf.ru/project/24-28-00590/>

Для цитирования:

Хилханова Э. В., Цыбенова Ч. С., Иванов В. В. Городское многоязычие в российских регионах: языковые ландшафты и отношение к языкам (на примере Кызыла и Улан-Удэ) // Новые исследования Тувы. 2024, № 4. С. 188–203. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.13>

Хилханова Эржен Владимировна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН. Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., д. 1/1. Эл. адрес: erzhen133@mail.ru

Цыбенова Чечек Сергеевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языкознания ФГБУН Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Адрес: 670045, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6. Эл. адрес: tschechek@mail.ru

Иванов Вячеслав Валерьевич — младший научный сотрудник Научного центра по сохранению, возрождению и документации языков России Института языкознания РАН. Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., д. 1/1. Эл. адрес: vvivanov@iling-ran.ru

Urban multilingualism in Russian regions: linguistic landscapes and attitudes towards languages (the cases of Kyzyl and Ulan-Ude)

Erzhen V. Khilkhanova

Institute of Linguistics, RAS, Russian Federation,

Chechek S. Tsybenova

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS, Russian Federation,

Viacheslav V. Ivanov

Institute of Linguistics, RAS, Russian Federation

The article examines the attitudes toward languages among residents of the capitals of two Russian regions — Republic of Tuva (Kyzyl) and Republic of Buryatia (Ulan-Ude) — through the lens of linguistic landscapes and communicative practices. A semi-structured interview method was used, with a total of 30 interviews conducted among urban residents and business owners in 2021 and 2023.

The study revealed that, despite the heterogeneous linguistic environments in Kyzyl and Ulan-Ude, the general trend leans toward proficiency in Russian, especially among children and youth. Similarities in visual linguistic landscapes and attitudes toward languages in Kyzyl and Ulan-Ude were noted. Differences in communicative practices among the residents of the two cities were also documented. In Kyzyl, the unwritten rules and conventions regarding language use in urban public spaces are currently in a state of transformation, whereas this shift took place in Buryatia during the Soviet era.

Today, the normative use of Russian in the public sphere is combined with the “marked” use of Tuvan and Buryat. The communicative practices described in the article are interpreted within Pierre Bourdieu’s concept of habitus.

A contradiction is observed between the desire to see Tuvan and Buryat languages in the linguistic landscape and the lack of action in this direction by most business owners. This contradiction can be explained by several factors, including the divergence of interest between business owners and city residents. Business owners tend to favor commodification and pragmatic strategies in the naming of their establishments, while residents’ desires are driven by cultural-symbolic and identity-related motivations. In theoretical terms, this can be described as a conflict between the symbolic value of the native language and habitus.

Keywords: *urban multilingualism; linguistic landscape; language attitudes; communicative practice; communicative norm; naming; Kyzyl; Ulan-Ude; Tuvan language; Buryat language*

Financing

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-00590, <http://rscf.ru/project/24-28-00590/>

For citation:

Khilkhanova E. V., Tsybenova Ch. S. and Ivanov V. V. Urban multilingualism in Russian regions: linguistic landscapes and attitudes towards languages (the cases of Kyzyl and Ulan-Ude). *New Research of Tuva*, 2024, no. 4, pp. 188-203. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.13>

Khilkhanova, Erzhen Vladimirovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher, Research Center on Ethnic and Language Relations, Institute of Linguistics, RAS. Postal address: 1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky lane, 125009, Moscow, Russia. E-mail: erzhen133@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9369-343X

Tsybenova, Chechek Sergeevna, Candidate of Philology, Researcher, Department of Linguistics, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS. Postal address: 6 Sakhianova St., 670045 Ulan-Ude, Russian Federation. E-mail: tschechek@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7789-1492

Ivanov, Viacheslav Valerievich, Junior Researcher, Research Center for the Preservation, Revitalization and Documentation of the Languages of Russia, Institute of Linguistics, RAS. Postal address: 1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky Lane, 125009 Moscow, Russian Federation. E-mail: vvivanov@iling-ran.ru

ORCID: 0000-0003-0756-0820

Введение

Данная статья продолжает тему языковых ландшафтов Кызыла и Улан-Удэ, начатую авторами ранее (Хилханова и др., 2024). Предыдущая статья явилась первым исследованием языкового ландшафта Кызыла (языковой ландшафт Улан-Удэ был в некоторой степени изучен) в ракурсе городского многоязычия и основывалась на анализе (1) официальных документов, регламентирующих языковую политику в обеих республиках; (2) визуальной текстовой информации (вывесок, табличек, объявлений как государственных учреждений, так и частных организаций). В фокусе исследования находились государственные языки Республики Тува (тувинский и русский) и Республики Бурятия (бурятский и русский). Проведенный анализ показал иерархию языков в языковых ландшафтах столиц обеих республик, формальность соблюдения требований республиканских законодательств о языках. В языковых ландшафтах Кызыла и Улан-Удэ доминирует русский язык, а о второстепенности тувинского и бурятского языков можно судить как по их малой количественной представленности в публичном пространстве, так и по характеру оформления знаков языковых ландшафтов — меньшему размеру надписей, расположению, орфографическим и прочим ошибкам. Ввиду ограниченности объема статьи в вышеуказанной работе была только частично затронута тема отношения людей к визуальному облику городов, деятельность и агентивность «низовых» акторов языковой политики в создании городского многоязычия и оценка его как активными акторами, так и пассивными наблюдателями. В частности, были высказаны предположения о некоторых мотивах «низовых» акторов в нейминге частных заведений, движимых в первую очередь соображениями (этнической) идентичности и коммерческой прибылью.

Исходя из этого, целью данной работы является выявление отношения к языкам сквозь призму языковых ландшафтов и коммуникативных практик жителей двух республиканских столиц — Кызыла и Улан-Удэ. Мы полагаем, что этнографическое (антропологическое) измерение значительно усиливает экспланаторный потенциал традиционного анализа самих знаков языковых ландшафтов. Оно дает более углубленный взгляд на функциональные особенности городского многоязычия, проливая свет не только на современное состояние языков, но и на их перспективы, ведь сегодня в эпоху урбанизации именно города, особенно столичные, задают социолингвистические тренды.

Статья организована следующим образом. Сначала дан краткий комментарий теоретико-методологической рамки исследования и его ключевых терминов. Два последующих раздела посвящены анализу вышеописанного проблемного поля по отдельности в Кызыле и Улан-Удэ. В конце обсуждаются результаты исследования и приводятся заключительные размышления.

Теория, методы и материалы исследования

Как уже было упомянуто, данная работа является частью большого исследовательского проекта по изучению языковых ландшафтов (Хилханова и др., 2024). По основным теоретико-методологическим основаниям исследование относится к антропологически-ориентированной ветви социолингвистики и находится на пересечении предметных полей нескольких взаимосвязанных дисциплин: социолингвистики, лингвистической антропологии, включая такие их субдисциплины, как этнография языковой политики и исследования языковых ландшафтов. В современной гуманитарной науке, однако, дисциплинарные границы достаточно условны; для производства нового знания могут быть использованы все релевантные подходы, понятия и методы.

В работе два ключевых термина: *отношение к языку (языкам)* и *языковые ландшафты* (далее — ЯЛ); их пересечение образует собственно проблематику статьи: отношение к языкам изучается в контексте именно *городского* многоязычия, проявленного как в статичных знаках ЯЛ, так и в динамичных практиках коммуникации в городе.

ЯЛ можно трактовать узко и широко. В первом случае это «классическое» понимание ЯЛ как «языка» публичных дорожных знаков, рекламных щитов, названий улиц и заведений, вывесок магазинов и государственных учреждений (Landry, Bourhis, 1997: 25). В широком понимании ЯЛ может быть не только визуальным, но и звуковым; звучащая речь на улицах города является частью его языкового облика в неменьшей степени, чем окружающие нас статичные знаки ЯЛ (см. об этом также: Баранова, Федорова, 2018).

Отношение к языку (языкам) — это универсальная категория: то или иное отношение к языку (языкам), осознанное или неосознанное, присуще всем людям, носителям и не-носителям определенных идиомов, включая как пассивных, так и активных акторов с точки зрения их участия в формировании ЯЛ. Понятие *отношение к языкам* является переводом англоязычного понятия *language attitudes* и представляет собой подвид более общего понятия *attitudes*. В «материнской» дисциплине — западной социальной психологии — с помощью понятия *attitudes* описываются относительно стабильные тенденции восприятия, оценки и действия по отношению к социальным объектам (Allport, 1935; Vaker, 1992). Другими словами, *attitudes* являются внутренним ментальным состоянием, которое может вызвать определенные формы поведения. Важно отметить (в частности, в контексте нашего исследования), что *отношение к языку*, безусловно, многоуровневое понятие, имеющее аффективную (оценки и эмоциональные реакции), когнитивную (знаниевую, рациональную) конативную (готовность к определенному действию) компоненты (Lambert, 1960, 1967). Это значит, что отношение к языку может выливаться в определенные поведенческие и коммуникативные практики; также в научной литературе известно, что этого может и не происходить — установки зачастую лишь в слабой степени или вообще не коррелируют с поведением (Eagly, Chaiken, 1993). К коммуникативным практикам относится как повседневное общение, так и мотивы и стратегии нейминга и сопряженный с этим выбор языка.

Отношение к языкам и коммуникативные практики людей, включая выбор языка, будут выявляться как у «обычных» горожан, так и владельцев бизнесов. Последние интересны тем, что именно они в первую очередь являются теми, кто «участвует в формировании ЯЛ, заказывая или изготавливая самостоятельно его единицы в соответствии предпочтительными тенденциями, намеренным выбором или политикой» (Ben-Rafael et al., 2006: 9). «Обычные» горожане в подавляющем большинстве являются пассивными наблюдателями¹ ЯЛ в традиционном его понимании, однако анализ их позиций дает нам срез общественного мнения и отношения к языкам, а тесно увязанные с ними коммуникативные практики формируют ЯЛ города в широком смысле этого термина, о чем говорилось выше.

Материалы для анализа были получены с помощью метода полуструктурированных интервью. Полевое исследование в Улан-Удэ, более раннее по времени, было проведено в 2021 г., полевое исследование в Кызыле — в 2023 г.

Интервью как в Кызыле, так и в Улан-Удэ были проведены по единому опроснику, включавшему 15 вопросов, которые касались опыта проживания в городе, восприятия визуальной письменной городской среды как в настоящее время, так и в динамике последних десятилетий. Из этих вопросов для более подробного рассмотрения в настоящем исследовании выбраны следующие: (1) Какие языки Вы замечаете на улицах города? (2) Какие изменения Вы замечаете? Каких языков стало больше, а каких меньше в последние десятилетия? (3) Как вы оцениваете представленность бурятского / тувинского языка в городе? (4) Получали ли Вы услуги на других языках, кроме русского (например, на бурятском / тувинском)? (5) Важно ли, чтобы бурятский / тувинский язык присутствовал в вывесках, названиях городских объектов? Нужно ли это? Кому это нужно?

В интервью в г. Кызыле приняли участие 10 информантов. Среди них — 6 информантов-женщин и 4 мужчин, 8 респондентов были тувинцами и 2 — русскими. Все они проживают в Кызыле более 10 лет. Средний возраст информантов — 35 лет. 2 русских информантов не владеют тувинским языком, но понимают некоторую бытовую лексику на разговорном уровне. У остальных информантов уровень владения как тувинским, так и русским языками оценивается как выше среднего. Языком интервью с респондентами русской этнической принадлежности являлся русский язык, при опросе респондентов-тувинцев использовались русский и тувинский языки.

Участниками интервью в г. Улан-Удэ стали 20 человек, из которых 15 являются бурятами (7 женщин и 8 мужчин), а 5 — русскими (все женщины). Все информанты проживают в Улан-Удэ на протяжении 10 и более лет. 10% опрошенных относятся к возрастной группе старше 60 лет, 70% информантов являются людьми возраста 30–60 лет, 20% — возраста младше 30 лет. Средний возраст оп-

¹ Обе группировки достаточно условны: владельцы бизнесов также являются горожанами, а сегодняшний «обычный» горожанин может завтра стать владельцем бизнеса.

рошенных составляет 45 лет. 90% информантов имеет высшее образование. Все информанты — и русские, и буряты — являются носителями русского языка, бурятским же языком владеют в разной степени: от полного невладения (как русские, так и буряты) до владения разговорным бурятским языком без навыков чтения и письма (только буряты). Интервью с респондентами русской этнической принадлежности проводились на русском языке, с респондентами-бурятами — в одном случае на бурятском и во всех остальных на русском.

Такая выборка, на наш взгляд, позволяет более полно понять общие паттерны в восприятии языков, присутствующие информантам с различным бэкграундом.

Кызыл: отношение к языкам сквозь призму языковых ландшафтов и коммуникативных практик

Проведенное ранее исследование (Хилханова и др., 2024) и эмпирический материал показали, что в ЯЛ Кызыла наиболее заметными являются два языка — русский и тувинский. При этом тувинский язык представлен в меньшем объеме, и увеличения его использования в названиях коммерческих предприятий, магазинов участники исследования не видят:

«Русского языка больше стало, чем тувинского» (тув., жен., 33 года);

«Все <названия> в основном только на русском языке, а тувинский язык становится все меньше и меньше» (тув., жен., 40 лет);

«Изменений не заметила. Но думаю что русского языка больше» (тув., жен., 25 лет);

«Где <в названиях>? “займы” пишут на тувинском. В целом, на тувинском языке мало на улице...» (тув., жен., 47 лет).

И действительно, материал исследования и сведения из базы данных географических информационных систем по территории г. Кызыл¹ показывают, что собственно тувинских названий в ЯЛ Кызыла намного меньше и их доля составляет около 20% (вместе с названиями на тувинском языке, написанными на латинице). Анализ показывает, что немногочисленные названия на тувинском языке в основном принадлежат коммерческим предприятиям, предоставляющим услуги (парикмахерские — «Тускай» от тув. *тускай* ‘особенный’, ‘уникальный’, «Шевергин» от тув. *шевергин* ‘аккуратный’, ‘чистый’, ‘опрятный’; прачечные — «Арыг-силиг» от тув. парн. *арыг-силиг* ‘чистый’, ‘опрятный’, «Дуза» от тув. *дуза* ‘помощь’; станции технического обслуживания — «Аян-Чорук» от тув. *аян-чорук* ‘путешествие’, ‘дальняя дорога’; гостиницы, отели — «Монгулек» (тув. *Мөңгүлек*), «Одуген» (тув. *Өдүген*), ателье — «Довурзак» от тув. *довурзак бөрт* ‘головной убор в форме тюбетейки’) и торговым заведениям, предлагающим сувенирную и этноспецифичную продукцию («Өлчей» от тув. *өлчей* ‘счастье’, ‘благодать’, «Шевер» от тув. *шевер* ‘искусный’, ‘умелый’; ‘мастер’, «Tuskai» от тув. *тускай* ‘особенный’, «Ommanimarket» зд. от буддийской мантры *Ом-ма-ни-бад-ме-хум*, «Charash-brand» от тув. *чараши* ‘красивый’ и от англ. *brand* ‘марка’, ‘товарный знак’, «Тыва-сувенир», «Суме.ru» зд. вероятно от названия священной горы *Сумеру* в буддийской космологии).

Также не осталось незамеченным визуальное присутствие английского языка и, что интересно, армянского языка. На вопрос «Какие языки Вы замечаете на улицах г. Кызыла?» один из респондентов (рус., муж., 30 лет), кроме русского и английского, указал армянский язык. Действительно, армянский язык все более активно функционирует в сфере торговли в Кызыле. В письменной форме на вывесках он практически не встречается, часто только в устной речи между носителями армянского языка. Владельцами и продавцами многих торговых баз, которые находятся в окраинной части Кызыла, являются представители Центральной Азии и Закавказья — армяне, узбеки, таджики, кыргызы. Большинство тувинцев, как горожане, так и сельчане, предпочитают отовариваться именно на таких базах, где ценовая политика более гибкая, большой ассортимент различных товаров на одной площадке, удобное транспортное сообщение с муниципальными автодорогами. Роста численности представителей данных народов в межпереписной период с 2010 г. по 2020 г. по Туве

¹ Карта г. Кызыл: улицы, дома и организации города, см.: Кызыл [Электронный ресурс] // 2ГИС. URL: <https://2gis.ru/kyzyl> (дата обращения: 15.04.2024).

не наблюдается. Однако наиболее многочисленными из них согласно итогам последней переписи остаются кыргызы (352 чел.) и армяне (278 чел.)¹.

В целом необходимо подчеркнуть, что торговля и коммерция не были характерны для традиционного хозяйства тувинцев. Изначально на территории Тувы торговыми делами занимались русские купцы, китайские торговцы и скупщики, которые держали свои торговые лавки и склады (см. об этом: История Тувы, 2007: 13–30).

Более полное представление о характере городского многоязычия получаем, обратившись не только к пассивному его восприятию горожанами, но и к активному созданию ЯЛ и соответствующим коммуникативным стратегиям и практикам. Материалы исследования показывают, что респонденты-владельцы бизнесов в целом не ориентированы на какую-то языковую общность, а чаще выбирают название на русском и английском языках; при этом никто из них не задумывался о варианте названия на тувинском языке. При номинации хозяева заведений прежде всего ориентируются на то, чтобы название красиво звучало, легко произносилось, запоминалось, ассоциировалось с хорошими эмоциями, приятными чувствами, было актуальным, отражало дух времени, являлось нестандартным и новым.

Основным мотивом при номинации, в первую очередь, выступает специфика реализуемого товара, продукта и ассоциируемые с ними реалии. Например, выбор названия цветочной мастерской «Колибри» респондент-владелец обосновывает тем, что колибри питается именно цветочной пыльцой, и это послужило мотивом для номинации — «Означает птичку, которая питается пыльцой цветов» (тув., жен., 40 лет). Подобная номинативная стратегия характерна для большинства респондентов-владельцев торговых заведений — музыкальный магазин «Аккорд», магазин табака и кальянов «Sweet smoke», строительный магазин «М два» (зд. название означает «метр квадратный»), хлебный киоск «Милый хлеб». Эргонимы данного типа, как мы видим, не отражают этническую специфику региона и не связаны с тувинской культурой и языком. В черте города Кызыла на подобный тип эргонимов, когда название связано непосредственно со спецификой товара, продукции, приходится около 70% наименований. По частотности преобладают эргонимы на русском, затем на английском, в меньшем объеме представлены другие иностранные языки, и в этом же ряду находится тувинский язык.

Как считают большинство наших респондентов, при приеме на работу важно только знание русского языка (см. ответ «<...> прием на работу только русскоговорящих, в наше время все тувинцы хорошо владеют русским» (рус., муж., 30 лет). Большинство интервьюированных ничего не сказали о тувинском языке; неявное уклонение от ответа дает основание предполагать, что владение тувинским языком большинством респондентов рассматривается как «не принципиально важное условие» при принятии на работу, а владение русским как «обязательное». Несколько иная ситуация наблюдается в заведениях, предоставляющих услуги, в частности в гостиницах. Специфика заведений обязывает к владению, кроме русского и тувинского, и других иностранных языков при обслуживании. Респонденты отметили, что кроме английского языка есть запрос и на китайский язык. В целом в гостиничном бизнесе знание разных языков владельцами бизнесов, несомненно, приветствуется.

Таким образом, большинство владельцев торговых заведений, предприниматели Кызыла не задумываются о ЯЛ в целом, стратегия номинации у них ориентирована на «раскрутку» товара. Как при обслуживании населения, так и при номинации своих заведений они предпочитают использовать русский язык.

Вышеописанные номинативные стратегии и языковые приоритеты коммерсантов, равно как и пропорции языков в ЯЛ Кызыла, входят в противоречие с оценками такого положения дел и желаниями горожан. Большинство опрошенных отмечают, что хотели бы видеть больше названий на тувинском языке, подчеркивая важность и необходимость присутствия тувинского языка в ЯЛ Кызыла как символа этнической и языковой идентичности, как транслятора тувинской культуры следующим поколениям:

¹ Всероссийская перепись населения 2020 [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: <https://24.gosstat.gov.ru/folder/66693#> (дата обращения: 18.01.2024).

«Больше хотел бы видеть и слышать тувинского. Язык родной — это самоидентификация нации» (тув., муж., 37 лет);

«Хотелось бы видеть больше надписей на тувинском языке, т. к. это наш родной язык, он должен преобладать» (тув., жен., 40 лет);

«Все-таки, это территория Республики Тыва, поэтому хотелось бы видеть на улицах города названий больше на тувинском языке» (тув., жен., 22 года).

«Я думаю, важно, чтобы тувинский язык присутствовал. Это нужно подрастающему поколению осознавать себя, принадлежность к нации, к его истории» (тув., жен., 40 лет);

«Да, важно. Нужно, чтобы все вывески были на тувинском и были заметными» (тув., жен., 31 год);

«Да, важно. Хотя бы для того, чтобы дети, подрастающее поколение это видели и знали, запоминали как слова тувинские пишутся, чтобы тувинские слова каждый день при выходе на улицы города перед ними наглядно были видны перед глазами, чтобы значение слов на тувинском понимали» (тув., жен., 47 лет).

Некоторые респонденты делают акцент в целом на многоязычии ЯЛ, не только на присутствии в нем тувинского языка, кто-то отмечает необходимость двух «главных» языков — тувинского и русского:

«т. к. республика многонациональная, можно было бы писать сразу на нескольких <языках> (но это означает, что придется больше расходов на это). Но что поделаться» (тув., жен., 33 года);

«<Хотел бы видеть> любые <языки>, или <так, чтобы> их присутствие не создает проблемы носителям других языков» (рус., муж., 30 лет).

«Важно, как для тувиноязычного населения, так и русскоязычного. Важно, чтобы тувинский присутствовал вместе с русским, чтобы облегчить понимание двух языков» (рус., муж., 30 лет);

«Как бы нужно. Но все равно читаем на русском. Наверное, нужно тем, кто не владеет русским. Но все равно надо делать на тувинском» (тув., жен., 25 лет).

Таково восприятие и оценки реального и желательного ЯЛ жителями Кызыла. В хоре естественного разнообразия оценок отчетливо прослеживаются две основные линии: 1) констатация заметного увеличения присутствия русского языка и уменьшения тувинского и 2) желание видеть больше тувинского языка как символа этнической, культурной, территориальной идентичности региона.

Отношение к языкам выливается в определенные коммуникативные практики в публичном пространстве. С одной стороны, в Кызыле, где большинство населения являются тувинцами, тувинский язык слышен повсеместно. Более того, в тувинской языковой общности еще достаточно много тех, кто плохо владеет или не владеет русским языком. В основном это жители сел, люди старшего возраста:

«Не очень хорошо понимающие русский есть у меня родственники в селе. Когда они приезжают в Кызыл, то их сопровождают кто-то <знающий русский язык>» (тув., жен., 33 года);

«Знаю таких людей <не очень хорошо понимающих русский>, это большая часть тувинского общества. Поэтому они избегают или с трудом обращаются к русскоязычному населению. Иногда очень трудно довести нужную информацию <на русском>» (рус., муж., 30 лет);

«Лично не знаю <людей плохо владеющих русским>, но доводилось видеть. <В общественных местах они говорят> на смеси русского и тувинского языков» (рус., муж., 23 года);

«Не знаю <людей плохо говорящих на русском>. Если врач, продавец тувинец(ка), то на тув. Если русский(ая) — на рус. (*чадай-чадай*) (зд. на тув. еле-еле/с трудом. — *Авт.*)» (тув., жен., 47 лет).

При этом, полученный эмпирический материал и социолингвистический анализ других исследователей по функционированию тувинского языка (Дырхеева, Цыбенова, 2020; Биткеева, Цыбенова, 2022; Каплунова, 2022), показывают, что в публичном пространстве растет тенденция к использованию русского языка. Так, по свидетельству горожан, различные услуги они получают преимущественно на русском языке:

«На тувинском языке услуг не получала, не предлагали никогда выбрать язык обслуживания, ведь **негласно общепринято** (зд. выделено нами. — *Авт.*) получать услугу на русском языке» (тув., жен., 47 лет);

«<Услуги на тувинском> не получал, не предлагали, не настаивал. Ни с кем <из незнакомых не начал говорить на тувинском>, плохо им владею» (рус., муж., 30 лет);

«Не приходилось с таким сталкиваться (т. е. услуги на тувинском никто не предлагал)» (тув., жен., 40 лет).

Тем не менее, тувинский язык также присутствует в сфере обслуживания, но является, во-первых, языком внутриаэтнического общения:

«В общественных местах у нас обслуживается в основном только на русском языке, нигде не предлагают выбор языка. Я сама говорю на тувинском языке, и общаюсь также на тувинском, зная или видя человек какой национальности» (тув., жен., 40 лет);

во-вторых, социально маркированным кодом:

«Услуги на тувинском не постоянно, но часто я получаю. Нет, не предлагали <выбор языка>. Я сам сначала на тувинском обращаюсь» (тув., муж., 44 года).

В любом многоязычном сообществе выбор говорящим немаркированного кода (в данном случае выбор русского языка как языка публичного общения) подтверждает существующий набор правил и конвенций (см. об этом также: Myers-Scotton, 1993), т. е. того, что «негласно общепринято», как выразилась одна из респонденток. Выбор маркированного кода (в данном случае тувинского языка как языка публичного общения) — это не дефолтный выбор, это неконвенциональное речевое поведение, которое может быть обусловлено разными стратегиями: собственными представлениями о коммуникативных нормах, не совпадающими с представлениями большинства, подчеркиванием этничности и другими мотивами.

О дефолтности и немаркированности использования русского языка как языка публичного общения свидетельствует и то, что к *незнакомым людям* в сфере обслуживания и вне ее респонденты чаще предпочитают обращаться на русском языке независимо от этничности.

Материал исследования и наблюдения показывают, что вышеописанное речевое поведение — это новое явление в городской среде Кызыла. Если раньше выбор языка общения в городе определялся во многом этнической принадлежностью, то сегодня на выбор языка влияют и уровень владения тувинским языком, и возраст участника коммуникации: чем моложе собеседник, тем высока вероятность использования в качестве языка общения именно русского языка или смешанного кода: «Как мне кажется, тувинцы, особенно молодые, стали чаще говорить на русском или смеси русского и тувинского» (тув., муж., 37 лет).

Следует особо подчеркнуть, что, помимо вышеописанных факторов, сегодня на выбор языка влияет собственно городская среда, городской образ жизни. Несмотря на то, что в советское время в городе русских было больше, чем тувинцев, внутриэтническая коммуникация между тувинцами происходила, как правило, на тувинском языке. Город в то время не влиял на речевое поведение, тувинский язык в нерегулируемых сферах функционировал интенсивно, и это воспринималось как коммуникативная норма. Теперь же городское пространство постепенно становится русскоязычным и ассоциируется больше с русским языком. Это нехарактерное ранее для тувинской языковой общности явление стало сегодня достаточно распространенным и становится «негласно общепринятым».

Улан-Удэ: отношение к языкам сквозь призму языковых ландшафтов и коммуникативных практик

Согласно данным интервью, в городской среде улан-удэнцы чаще всего отмечают присутствие в письменном виде трех языков: русского, бурятского и английского:

«В основном-то это русские названия, попадаются и английские, периодически встречаются надписи на бурятском языке» (бур., муж., 26 лет),

«<Вижу надписи> в основном на русском, изредка на бурятском» (бур., жен., 55 лет),

«<На вывесках и табличках в основном используются> русский и английский» (бур., муж., 81 год),

«<Вижу> в основном русский и бурятский. Других как будто не видела» (бур., жен., 73 года).

В устной речи многие респонденты также отмечали присутствие монгольского, китайского, немецкого и итальянского языков. При этом все сходятся в утверждении, что русский и бурятский можно как услышать в общении между горожанами, так и увидеть на разных вывесках на территории Улан-Удэ. Это позволяет говорить о том, что государственные языки Республики Бурятия являются самыми заметными в ЯЛ Улан-Удэ. Важно также отметить, что в ответах респондентов при перечислении языков русский язык идет самым первым, что подтверждает доминирующий характер его функционирования в ЯЛ Улан-Удэ.

Изменения, происходящие в ЯЛ столицы Бурятии в последние десятилетия, также не остались незамеченными жителями города. Подавляющее большинство опрошенных улан-удэнцев отмечает увеличение присутствия бурятского языка, в том числе в сравнении с советским временем, в частности на указателях с названиями улиц, на вывесках и т. д., например: «Ну по сравнению с советским периодом, 90-ми годами, его, конечно, стало больше на вывесках» (бур., жен., 60 лет).

При этом 7 респондентов отметили появление бурятского языка в улан-удэнских трамваях, причем не только в звуковых объявлениях остановок, но и в информационных надписях внутри вагонов:

- «В трамваях озвучка и надписи есть на бурятском языке» (бур., жен., 51 год),
- «В трамваях озвучивают названия остановок на бурятском» (бур., жен., 26 лет),
- «Ну в трамваях, а больше и не вспомню» (рус., жен., 50 лет),
- «Ну вывески в трамваях, объявления остановок тоже на бурятском вместе с русским» (бур., жен., 60 лет),
- «В трамваях появились надписи и объявления» (бур., жен., 55 лет).

Выбор трамвая является неслучайным. С одной стороны, он является популярным видом общественного транспорта в городе Улан-Удэ, которым ежедневно пользуются горожане, поэтому вполне закономерно, что появление в нем бурятского языка не осталось незамеченным. Это в свою очередь может говорить о том, что в других общественных местах подача информации на бурятском либо не происходит совсем, либо слишком точечно, чтобы стать заметной большому числу улан-удэнцев. Помимо этого, такое может также происходить на фоне того, что основным языком восприятия информации в Улан-Удэ является русский, поэтому надписи на иных языках, в том числе бурятском, могут оставаться незамеченными. Примечательно также, что опрошенные для данного исследования горожане отмечают повышение присутствия именно бурятского, а не английского, который также присутствует в городском публичном пространстве. Такое внимание к появлению бурятского может свидетельствовать о том, что эти случаи пока не стали массовым трендом и не воспринимаются горожанами как «само собой разумеющееся».

При этом большинство опрошенных улан-удэнцев говорит, что бурятский язык все же остается представлен в недостаточной степени на улицах Улан-Удэ. Это видно из ответов: респонденты выделяют конкретные сферы, в которых заметно присутствие бурятского языка, но не говорят о какой-либо равной представленности его с русским:

- «По правде-то, он <бурятский язык> не очень сильно распространен. На каких-то ресторанах-кафе и на госучреждениях. Русский по распространению на первом месте, затем английский и после него бурятский и другие» (бур., муж., 26 лет),
- «<Бурятский не встречается> больше нигде. Вывески каких-то отдельных магазинов» (бур., муж., 52 года),
- «В основном <бурятский> на кафешках замечаю, с уклоном в традиционную еду» (бур., муж., 25 лет),
- «Сейчас стало больше, чаще стали появляться таблички на бурятском» (бур., жен., 73 года).

В то же время кто-то представленность бурятского языка оценивает как достаточную:

- «Ну она <представленность бурятского> есть. В принципе этого достаточно. Главное есть на госучреждениях, но так язык государственный — русский и его все понимают у нас» (бур., жен., 51 год).

Разница в восприятии присутствия бурятского языка в ЯЛ подтверждает, что бурятский фигурирует в нем в гораздо меньшей степени, чем русский, что также подтверждает высказанный выше тезис о доминировании русского языка в ЯЛ Улан-Удэ.

Недопредставленность бурятского языка отражается и в коммуникативных практиках горожан. Так, некоторые респонденты отмечали, что редко используют бурятский за пределами своего круга общения (в приведенном ниже примере — при обслуживании пациентов в медицинском учреждении, где работает информантка), а также спорадически при взаимодействии с незнакомыми людьми на улице в ситуации, когда надо помочь сориентироваться в городском пространстве:

- «На работе периодически ко мне приходят женщины пожилые, и с ними можно поговорить на бурятском. А в основном только на русском» (бур., жен., 53 года),
- «Спрашивали приезжие с районов куда и как пройти, я им объясняла на бурятском» (бур., жен., 73 года).

Опыт взаимодействия на бурятском описывали и те респонденты, кто не владеет языком. В этой ситуации инициатива обращения на бурятском всегда принадлежит собеседнику:

«Ко мне обращаются на бурятском языке, и я просто киваю и улыбаюсь, и исходя из ситуации понимаю, о чем идет речь. Но вроде бы всегда контакт завершается успешно» (бур., жен., 51 год),

«Было <что ко мне обращались на бурятском>, но обычно я не понимаю, и они переходят на русский» (бур., муж., 25 лет).

В целом нужно отметить, что все респонденты указывают на редкость подобных ситуаций в городе. Некоторые из опрошенных (например, бур. жен., 26 лет) не смогли вспомнить такие ситуации и ответили, что, возможно, такое взаимодействие имело место. Также важным является то, что никто из респондентов, знающих язык в какой-то степени, не вступает в коммуникацию на бурятском с незнакомцами по своей инициативе: для взаимодействия на бурятском нужен запрос именно от другого человека. Примечательно также, что практически никто из респондентов не смог вспомнить случаи невладения русским языком среди бурятского населения. Все ответы подобного рода были расплывчатыми и касались скорее гипотетической возможности проживания таких людей в Бурятии. Это говорит о том, что абсолютное большинство населения как республики, так и города, в той или иной степени владеет русским языком, чтобы общаться на нем без затруднений. Существующие исследования языковой ситуации в Республике Бурятия (напр., Дырхеева, 2018), а также итоги последней Всероссийской переписи населения¹ подтверждают данный тезис. Все это является подтверждением неравного использования бурятского и русского языков в Улан-Удэ.

Из рассмотренных выше ответов следует, что русский язык функционирует во всех сферах жизни, в то время как бурятский вытеснен на периферию и используется sporadически. В таких условиях встает вопрос о необходимости и целесообразности представленности бурятского языка в ЯЛ столицы Бурятии. Однако практически все горожане (как буряты, так и русские) оценивают бурятский язык как важную часть городского ландшафта, аргументируя это национальной спецификой республики и вкладом этой меры в «возрождение» бурятского языка:

«Ну, так как республика национальная, то национального должно быть больше» (бур., жен., 60 лет),

«Ну, так как в национальной республике живем, то да, в вывесках бурятский язык должен присутствовать» (бур., муж., 52 года),

«Вообще, конечно, важно, а для кого, сказать не могу точно. Как способ возрождения языка, конечно, это не очень, но как вспомогательная мера пойдет» (бур., жен., 53 года).

Также присутствуют аргументы, в которых приводится сравнение ЯЛ Улан-Удэ с ЯЛ городов других регионов, например, Республики Татарстан (заметим, что сравнение не в пользу Бурятии):

«Это <присутствие бурятского языка на вывесках> очень важно. В Казани была мама у меня, она говорит, что там даже в начале 2000-х уже было продублировано» (рус., жен., 41 год).

Многие также, помимо всего прочего, аргументируют важность присутствия бурятского языка как составляющей национального колорита республики, «изюминки», которая может быть потенциально привлекательной для туристов:

«Это важно, чтобы наши жители помнили культуру свою, и чтобы приезжие тоже весь колорит чувствовали» (рус., жен., 50 лет),

«Приятно, когда языки дублируются. Когда приезжие тут видят, что в городе есть несколько языков» (бур., жен., 73 года),

«...Соответственно для иностранцев это <вывески на бурятском> колорит с этими названиями. А жизненной необходимости для ежедневного использования <бурятского> нет. Только для подчеркивания национального колорита» (бур., муж., 52 года).

Выяснение отношения к языкам и соответствующих стратегий и практик номинации у владельцев бизнесов сводилось к вопросам о выборе названия заведения, готовности продублировать вывески и меню, практикам обслуживания клиентов на разных языках и оценке влияния языка названия на коммерческую успешность и/или привлекательность заведения. Из опрошенных для настоящего исследования заведений 5 имеет бурятское название, 3 — английское, 1 — бурятско-английское, 1 — русско-английское.

¹ Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками. Таблица 4 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 12.04.2024).

Ответы респондентов из числа владельцев бизнесов показали, что выбор названия зависит от нескольких параметров. Название не существует само по себе, оно вписано в концепцию заведения и его ориентированность на определенный клиентский сегмент (см. подр.: Иванов, 2021), а также может отражать этническую самоидентификацию владельца. Все это обуславливает коммодификационный потенциал используемых языков.

Специфика заведений с бурятским названием чаще всего проявляется в связанности с бурятской культурой: кафе бурят-монгольской кухни «Сугтаа» (от бур. *сугтаа* 'вместе'), бренд стилизованной национальной одежды «Шинии» (от бур. *шинии* 'твой'), борцовский клуб «Зугалай» (от бур. *Зугалай*, топоним в Могойтуйском районе Агинского Бурятского округа в Забайкальском крае), свадебный салон «Баян Бэри» (от бур. *баян бэри* 'богатая невеста'), занимающийся подготовкой к бурятским свадьбам. Выбор английских названий отсылает прежде всего к современности и технологиям, что в целом ассоциируется с модой и престижем: компьютерный клуб «Ultimate», семейная типография «FamilyPrint», мастерская лазерной резки по дереву «Lazer03». Кроме того, по словам одной из владелиц, заведения с английским названием характеризуются красотой и лаконичностью:

«Много было вариантов [названий]. Решили на английском название оставить. Оно красивое и короткое» (рус., жен., 40 лет).

Сочетание нескольких языков в одном названии дает возможность владельцам бизнеса использовать их коммодификационный потенциал (например, центр креативных индустрий «Хэб-Хаб»):

«Хэб — форма. Слово “хэблэл” — это печатник или издание. И мы таким образом отдаем дань истории. А Хаб — это на английском [*hub*], отдает отсылку на сегодняшний день. <...> мы одновременно отдаем дань уважения истории и держим связь с сегодняшним днем» (бур., муж., 45 лет).

Другой мотивацией к выбору названия на том или ином языке может быть направленность на определенный сегмент клиентов. Например, бурятская свадебная атрибутика и символика активно используется только представителями бурятского сообщества. Именно поэтому спрос со стороны определенных групп клиентов объясняет выбор направленности заведения, а также и его названия.

При отсутствии у заведения конкретной ориентации на что-либо выбор языка названия также может быть средством выражения территориальной идентичности. Например, дизайн-студия «Мүнөө» (от бур. *мүнөө* 'сейчас'), имеющая бурятское название, не связана с бурятской культурой и ориентируется на самый широкий сегмент клиентов. Однако выбор названия в данном случае может как раз являться выражением идентичности самого бренда, который ведет свою деятельность в Бурятии и позиционирует себя как бурятский (бур., муж., 28 лет).

В рассмотренных стратегиях и аргументациях выбора названия языка для заведения прослеживается одна важная тенденция: среди частных заведений нет ни одного, которое задействует для определения клиентского сегмента не только этнический, но и языковой критерий. Это проявляется в отсутствии в большинстве из заведений бизнеса требования к сотрудникам по владению каким-либо языком, а также в отсутствии полноценного дублирования внутренней информации (меню, этикетки, ценники, указатели и т. д.) на других языках, кроме русского. В то же время владельцы некоторых заведений отмечают, что предпринимали или собираются предпринять усилия в этом направлении:

«На кассу мы нанимали бурята, знающего язык. Но теперь мы уже начали разбавлять национальный состав работников. <...> Но если кто-то <из клиентов> не знает русского, то могут прийти на помощь кто-то из персонала» (бур., муж., 29 лет),

«Сейчас <информация в магазине написана> на русском, но в этом году планируем на бурятском их сделать» (бур., жен., 58 лет).

Возможным толчком к дублированию информации на двух языках в заведениях частного бизнеса для владельцев видится инициатива и поддержка со стороны власти. Между тем, подобные прецеденты уже имели место: в 2023 г. в рамках проекта «Туристический код центральной части Улан-Удэ»¹ городская власть согласовала с владельцами частных заведений замену всех вывесок в соответствии с новым дизайн-кодом города и за счет средств федерального бюджета провела их замену:

¹ В центре Улан-Удэ планируют заменить около 200 вывесок [Электронный ресурс] // Ариг Ус online. 2023, 8 нояб. URL: <https://arigus.tv/news/city/139137-v-ulan-ude-planiruyut-zamenit-okolo-200-vyvesok/> (дата обращения: 12.04.2024).

«Это <дублирование вывесок и информации> должен быть общий тренд при поддержке Правительства. Сейчас дизайн-код изменили вывесок под размер и стиль сделали общий. Все это было сделано за счет республики» (бур., муж., 31 год).

В отношении дублирования информации городская власть также готовится принять меры. Так, в бурятских СМИ отмечается, что в частных заведениях всех форм собственности «все надписи на русском будут дублироваться на бурятском»¹. Такое станет необходимым после принятия муниципальной программы по сохранению и развитию бурятского языка. При этом нет требования менять старые вывески, под действие программы попадут лишь новые, которые будут согласованы только при дублировании на двух языках. Это дает основание полагать, что увеличение количества двуязычных вывесок будет происходить постепенно в течение долгого времени.

Отсутствие требования к работникам о знании разных языков говорит об однородности языковой среды в г. Улан-Удэ, в условиях которой клиенты, получающие услуги в заведениях, и их сотрудники говорят на одном языке — русском, и не испытывают необходимости в использовании бурятского языка. Существующие же случаи использования бурятского происходят спорадически и не имеют регулярного характера. Также далеко не все владельцы бизнеса выделяют тенденции в использовании языков обслуживания, однако те, кто делает это, указывают, что их динамика является скорее отрицательной, чем положительной:

«Это <те, кто обращался на бурятском> старшие <были, скорее всего из деревень. Молодые не обращались (бур., муж., 29 лет).

Что касается связи названия и привлекательности заведения, то мнения владельцев бизнеса разделились — одни считают, что название влияет на коммерческую успешность заведения, другие же отрицают эту связь и делают упор на качество услуг:

«Я думаю, что нет <название влияет на коммерческую успешность>, я знаю прибыль кафе в других кафе, и примерно все то же самое. Контингент всегда один, и разница только от кухни. По платежеспособности у нас население одно и то же» (бур. муж. 29 лет),

«Но по моему мнению как ни назови заведение, лишь бы был хороший сервис и кухня, и туда будут ходить» (бур., муж., 45 лет),

«К сожалению да <название влияет на коммерческую успешность>. Все конечно зависит от концепции заведения. Чтобы оно было подходящим к сфере деятельности» (бур., жен., 29 лет),

«Да, абсолютно, <название влияет на коммерческую успешность>. В отношении “Ультимейта” будет понятно, что это что-то типа компьютерного или киберспортивного. А на бурятском этому слову даже не подберешь аналог. Или для ресторанов с европейской кухней на бурятском название будет странно звучать» (бур., муж., 31 год).

Последние два ответа показывают, что использование того или иного языка некоторыми предпринимателями зависит от того, связан ли с ним род деятельности заведения. Так, бурятский четко ассоциирован лишь с бурятской культурой и его использование за ее рамками видится странным и неуместным.

В целом использование бурятского языка владельцами в названиях и оформлении своих заведений является маркером отнесенности в первую очередь к бурятской культуре и/или этничности, но не языковой идентичности. С этим соотносятся и коммуникативные практики клиентов, которые, по словам владельцев, как правило, совершаются на русском языке. Практики на бурятском языке являются исключительно редкими, и пока нет конкретных примеров его более широкого систематического использования. Все это свидетельствует о том, что бурятский язык общения в заведениях частного бизнеса является маркированным, а русский, наоборот, нейтральным, что позволяет сделать вывод о его превалировании в Улан-Удэ.

Ответы респондентов подтверждают наблюдения, сделанные в ходе анализа самих знаков ЯЛ (см.: Хилханова и др., 2024), который также показал доминирование русского языка и второстепенность относительно него бурятского языка. Данные ЯЛ также показали, что официальная языковая политика, закрепленная в нормативно-правовых актах республиканского и федерального уровней, не

¹ Предпринимателей Улан-Удэ обяжут делать вывески на двух языках [Электронный ресурс] // Ариг Ус online. 2024, 30 марта. URL: <https://clck.ru/3CAUsX> (дата обращения: 12.04.2024).

выполняется в должной мере, что способствует как сохранению старых одноязычных вывесок на русском языке, так и появлению новых, не соответствующих тому, что предписывает закон.

Обсуждение

Подводя итог анализу отношения к языкам в ЯЛ и коммуникативных практик жителей Кызыла, можно сказать, что городская языковая среда по-прежнему неоднородная. В Кызыле проживают и приезжают туда граждане с разным уровнем языковой компетенции как во владении тувинским языком, так и русским. Однако общая тенденция сегодня направлена на коммуникацию на русском языке. В последнее время процесс перехода на русский язык общения в условиях города ускорился. Тувинский язык в городской среде больше функционирует как разговорный язык, язык внутриэтнического общения между близкими и хорошо знакомыми тувинцами и как язык взрослого тувинского населения. Языком сферы обслуживания он может выступать преимущественно только между хорошо владеющими тувинским языком. Исследования языковой ситуации в Туве, проведенные в последние годы, также свидетельствуют о начальном этапе языкового сдвига¹ среди носителей тувинского языка, устойчивой языковой ориентации детей и молодежи в сторону русского языка (Дырхеева, Цыбенова, 2020; Биткеева, Цыбенова, 2022; Каплунова, 2022).

Визуальная письменная среда г. Кызыла также в основном русскоязычная. В иерархии языков, представленных в ЯЛ Кызыла (Хилханова и др., 2024), после русского следует английский язык и только затем тувинский. В плане отношения к языкам и соответствующих практик владельцы малого и среднего бизнеса, как активные создатели ЯЛ, в большинстве своем настроены на формирование визуального облика города на тувинском языке. При этом многие горожане и гости города хотели бы видеть в городе больше названий, афиш и информационных вывесок на тувинском языке.

Это, безусловно, противоречие, которое, впрочем, характерно не только для Тувы и Бурятии. Разрыв между отношением к миноритарному языку как культурной ценности и важному элементу идентичности, с одной стороны, и конкретными шагами в этом направлении, с другой (в нашем случае — в сторону повышения его видимости в ЯЛ), отмечается в разных регионах мира (Smolicz, Secombe, 1998; Sallabank, 2013). В частности, для жителей России характерен перенос ответственности за использование и освоение миноритарного языка с себя на кого-то другого (например, на институт образования) (Хилханова, 2020; Бабич, 2019; Khilkhanova, Khilkhanov, 2004); такое же неосознание личной ответственности и недостаток агентивности мы наблюдаем и в сфере языковых ландшафтов.

Аналогичные процессы происходят и в Улан-Удэ: все респонденты отмечают как доминирование русского языка, так и появление и использование бурятского языка в разной степени. Из ответов становится понятно, что в целом тренд повышения присутствия бурятского языка в ЯЛ города оценивается положительно или нейтрально, что, однако, никак не влияет на увеличение случаев его устного использования при взаимодействии между горожанами в тех или иных учреждениях и заведениях. Мнения владельцев бизнесов также свидетельствуют о доминировании русского языка в информации и обслуживании на территории их заведений. Использование бурятского языка в названиях заведений и брендов является скорее символическим жестом, отражающим причастность к бурятской идентичности. При этом в действительности же коммодификационная ценность бурятского языка в условиях города Улан-Удэ остается низкой как для самих улан-удэнцев, так и для владельцев бизнесов, поскольку использование бурятского языка не дает никаких «дивидендов» при проживании в городе.

Противоречие между *желанием* видеть тувинский и бурятский языки в ЯЛ и отсутствием *действий* в этом направлении со стороны большинства владельцев коммерческих заведений как один из интересных результатов исследования нуждается, на наш взгляд, в дальнейшей интерпретации. Это противоречие, с одной стороны, можно объяснить как несовпадение интересов бизнесменов и «обычных» горожан, где первые используют коммодификационные, прагматичные стратегии при нейминге своих заведений, а вторые в своих желаниях исходят из культурно-символических и идентификационных мотивов. Однако думается, что причины здесь глубже. Здесь присутствует и

¹ Языковой сдвиг — процесс и результат утраты этносом этнического языка. См.: Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Социоллингвистика и социология языка: учебное пособие. Издательский Центр «Гуманитарная Академия», 2004.

противоречивость человеческого сознания, в котором могут ужиться противоположные мотивы, и неоднозначность связи между аффективным и конативным компонентами языковых установок, когда отношение к языку и речевое поведение могут не совпадать. В иной теоретической парадигме (и, соответственно, в иных терминах) — это противоречие между символической ценностью родного языка и вышеописанным габитусом.

Интерпретации, безусловно, можно продолжать. Так, индифферентность части тувинского и бурятского населения по отношению к присутствию этнических языков как в языковом ландшафте, так и в коммуникативных практиках можно отнести и на счет того, что язык является только одним из компонентов этнической культуры. При сохранности остальных компонентов (религии, традиционных ценностей, обычаев и ритуалов, одежды и пищи и т. д.) этническая группа не воспринимает постепенный уход языка из сферы коммуникации как угрозу идентичности. Но негомогенность любой группы имеет следствием и описанную нами вариативность отношений к языкам; барьер же между позитивным отношением и реальными действиями по поддержке миноритарных языков, в том числе и в сфере языковых ландшафтов, переступают, по-видимому, не более 10% активных людей, о которых говорят психологи и социологи (см. об этом: Хачатурян, 2020).

Заключение

Наше исследование городского многоязычия в столицах Бурятии и Тувы в ракурсе коммуникативных практик и отношения к языкам в языковых ландшафтах выявило, что в столице Тувы неписанные правила и конвенции употребления языков в городском публичном пространстве находятся сейчас в стадии перелома. В Туве до недавнего времени русский язык редко использовался для общения между тувинцами; сегодня же в тувинском городском сообществе формируется языковая идеология, направленная на общение на русском языке в городской среде, даже если участники коммуникации являются тувинцами; особенно это касается молодежи. Такое речевое поведение — это новое явление для городской среды Кызыла.

В Бурятии этот перелом произошел гораздо раньше, еще в советское время. Восприятие города — и в прошлом, и в настоящем — как пространства русскоязычного восходит к началу процесса социокультурной модернизации бурят в 1920-х гг. XX в., где и производственный язык, и мобилизованные государством специалисты — все было русскоязычным. Бывшим кочевникам пришлось пройти через болезненный процесс ментальной и социокультурной трансформации, чтобы интегрироваться в среду, изначально чуждую степнякам (см. об этом также: Батомункуев, 2004). Именно с тех пор в коллективном сознании бурят был заложен этот паттерн, что в городе нужно говорить по-русски даже при знании бурятского языка. Первоначально используя в официально-производственной сфере, эта модель «городского» речевого поведения постепенно распространилась в советский период и на неофициальную и семейно-бытовую сферу.

Сегодня, когда уже нет стигматизации говорения на миноритарных языках советского периода, описанные в настоящей статье коммуникативные практики, где нормативность использования русского языка в публичной городской среде сочетается с «маркированным» использованием тувинского и бурятского языков, подпадает скорее под понятие габитуса П. Бурдые (Бурдые, 1998). В основе такого речевого поведения лежат, как и положено габитусу, субъективно интериоризованные системы структур, общих схем восприятия, представления и действия, где как сознательно, так и неосознанно «считаны» все «правила игры», устанавливаемые государством на символическом языковом рынке. Города особенно чувствительны к изменениям в «правилах игры», что делает их чрезвычайно информативными объектами для изучения новых социолингвистических тенденций; недаром некоторые исследователи говорят уже о «городской социолингвистике» (Smakman, Heinrich 2018).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бабич, И. Л. (2019) Современные языковые процессы как фактор национальной идентичности причерноморских адыгов-шапсугов // *Смерть языка — смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах* / отв. ред. Е. И. Филиппова, С. В. Соколовский. М.: Горячая линия — Телеком. 260 с. С. 137–159.

Баранова, В. В., Федорова, К. С. (2018) Многоязычие в городе: языковая политика, дискурсы и практика // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XIV, ч. 3. С. 38–56. DOI: <https://doi.org/10.30842/alp2306573714303>

Батомункуев, С. Д. (2004) Введение // Скрынникова Т. Д., Батомункуев С. Д., Варнавский П. К. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период). Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН. 216 с. С. 3–19.

Биткеева, А. Н., Цыбенова, Ч. С. (2022) Хроника языкового сдвига в тувинском языке в Республике Тыва // Новые исследования Тувы. № 4. С. 6–27. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.1>

Бурдые, П. (1998) Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 1. № 2. С. 44–59.

Дырхеева, Г. А. (2018) Языковая ситуация в Республике Бурятия // Мир Большого Алтая. № 4 (2). С. 302–320.

Дырхеева, Г. А., Цыбенова, Ч. С. (2020) Языковые установки и языковая лояльность носителей малых языков в условиях национально-русского двуязычия (на примере бурят и тувинцев) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 62–74. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.5>

Иванов, В. В. (2021) Бурятский язык в языковом ландшафте и языковых практиках в городе Улан-Удэ // Социолингвистика. № 1(5). С. 147–163.

История Тувы (2007): в 3 т. / под общ. ред. В. А. Ламина. Новосибирск : Наука. Т. II. 430 с.

Каплунова, М. Я. (2022) Оценка восприятия языковой ситуации в Республике Тыва местным населением (на материале полевого исследования 2021 г.) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 28–37. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.2>

Хачатурян, А. А. (2020) Цифровизация экономики: социальные угрозы // Проблемы рыночной экономики. № 3. С. 124–134. DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2020-3-124-134>

Хилханова, Э. В. (2020) Люди в языковой политике: теория и практика дискурсивного поворота в социолингвистике (на примере России и Западной Европы) // Acta Linguistica Petropolitana. Vol. 16.3. С. 756–815. DOI: <https://doi.org/10.30842/alp2306573716324>

Хилханова, Э. В., Ондар, Ч. Г., Иванов, В. В., Акопян, К. С. (2024) Языковые ландшафты Кызыла и Улан-Удэ как зеркало региональной языковой политики // Новые исследования Тувы. № 1. С. 18–38. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.2>

Allport, G. W. (1935) Attitudes // Murchison C. (ed.). Handbook of social psychology. Worcester, Mass : Clark University Press. 1195 p. P. 798–844

Baker, C. (1992) Attitudes and language. Clevedon : Multilingual Matters. x + 173 p.

Ben-Rafael, E., Shohamy, E., Amara, M., Truper-Hecht, N. (2006) Linguistic landscape as symbolic construction of the public space: The case of Israel // International journal of multilingualism. Vol. 3. Issue 1. P. 7–30. DOI: <https://doi.org/10.1080/14790710608668383>.

Eagly, A. H., Chaiken, S. (1993) The psychology of attitudes. Fort Worth, TX : Harcourt Brace College. 794 p.

Khilkhanova, E., Khilkhanov, D. (2004) Language and Ethnic Identity of Minorities in Post-Soviet Russia: the Buryat Case Study // Journal of Language, Identity, and Education. Vol. 3. No. 2. P. 85–100.

Lambert, W. (1960) Evaluation Reactions to Spoken Languages // Journal of Abnormal and Social Psychology. № 60. P. 44–51.

Lambert, W. (1967) A Social Psychology of Bilingualism // Journal of Social Issues. № 23. P. 91–109.

Landry, R., Bourhis, R. Y. (1997) Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study // Journal of language and social psychology. Vol. 16, No. 1. P. 23–49.

Myers-Scotton C. (1993) Social Motivations for Code-Switching: Evidence from Africa. New York : Oxford University Press. 190 p.

Sallabank, J. (2013) Attitudes to endangered languages: identities and policies. Cambridge University Press. xvi, 271 p.

Smakman D., Heinrich, P. (2018) Urban Sociolinguistics. The City as a Linguistic Process and Experience. London ; New York : Routledge. 242 p.

Smolicz J., Secombe M. (1988) Community languages, core values and cultural maintenance: the Australian experience with special reference to Greek, Latvian and Polish groups // M. Clyne (ed.). Australia, Meeting Place of Languages. Canberra, Australia : Australian National University, Pacific Linguistics. 328 p. P. 11–38.

Дата поступления: 04.07.2024 г.

Дата принятия: 19.08.2024 г.

REFERENCES

- Babich, I. L. (2019) Modern language processes as a factor of national identity of the Black Sea Adygs-Shapsugs. In: *Is the death of a language the death of a people? Language situations and language rights in Russia and neighboring countries* / ed. by E. I. Filippova and S. V. Sokolovskii. Moscow, Goriachaia liniia — Telekom. 260 p. Pp. 137–159. (In Russ.).
- Baranova, V. V. and Fedorova, K. S. (2018) Multilingualism in the city: language policy, discourses and practice. *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences*, vol. XIV, part 3, pp. 38–56. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30842/alp2306573714303>
- Batomunkuev, S. D. (2004) Introduction. In: Skrynnikova T. D., Batomunkuev S. D. and Varnavskii P. K. *Buryat ethnicity in the context of socio-cultural modernization (Soviet period)*. Ulan-Ude, BNTs SO RAN. 216 p. Pp. 3–19. (In Russ.).
- Bitkeeva, A. N. and Tsybenova, Ch. S. (2022) Chronicle of the Tuvan language shift in the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 6–27. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.1>
- Bourdieu, P. (1998) Structure, habit, practice. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 1, no. 2, pp. 44–59. (In Russ.).
- Dyrkheeva, G. A. (2018) The language situation in the Republic of Buryatia. *Mir Bol'shogo Altaia*, no. 4 (2), pp. 302–320. (In Russ.).
- Dyrkheeva, G. A. and Tsybenova, Ch. S. (2020) Language attitudes and language loyalty of minor language speakers under the conditions of national-Russian bilingualism: the case of Buryats and Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 62–74. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.5>
- Ivanov, V. V. (2021) The Buryat language in the linguistic landscape and language practices in Ulan-Ude. *Sotsiolingvistika*, no. 1(5), pp. 147–163. (In Russ.).
- The history of Tuva* (2007): in 2 vol. / ed. by V. A. Lamina. Novosibirsk, Nauka. Vol. II. 430 p. (In Russ.).
- Kaplunova, M. Ya. (2022) Assessment of local residents' perception of the language situation in the Republic of Tuva (based on the findings of a 2021 field study). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 28–37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.2>
- Khachaturian, A. A. (2020) Digitalization of the economy: social threats. *Market economy problems*, no. 3, pp. 124–134. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2020-3-124-134>
- Khilkhanova, E. V. (2020) People in language policy: Theory and practice of the discursive turn in sociolinguistics (comparing Russia and Western Europe). *Acta Linguistica Petropolitana*, vol. 16.3, pp. 756–815. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30842/alp2306573716324>
- Khilkhanova, E. V., Ondar, Ch. G., Ivanov, V. V. and Hakobian, K. S. (2024) The linguistic landscapes of Kyzyl and Ulan-Ude as a mirror of regional language policy. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 18–38. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.2>
- Allport, G. W. (1935) Attitudes. Murchison C. (ed.) *Handbook of social psychology*. Worcester, Mass, Clark University Press. 1195 p. Pp. 798–844
- Baker, C. (1992) *Attitudes and language*. Clevedon, Multilingual Matters. x + 173 p.
- Ben-Rafael, E., Shohamy, E., Amara, M. and Truper-Hecht, N. (2006) Linguistic landscape as symbolic construction of the public space: The case of Israel. *International journal of multilingualism*, vol. 3, issue 1, pp. 7–30. DOI: <https://doi.org/10.1080/14790710608668383>
- Eagly, A. H. and Chaiken, S. (1993) *The psychology of attitudes*. Fort Worth, TX, Harcourt Brace College. 794 p.
- Khilkhanova, E., Khilkhanov, D. (2004) Language and Ethnic Identity of Minorities in Post-Soviet Russia: the Buryat Case Study. *Journal of Language, Identity, and Education*, vol. 3, no. 2, pp. 85–100.
- Lambert, W. (1960) Evaluation Reactions to Spoken Languages. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, no. 60, pp. 44–51.
- Lambert, W. (1967) A Social Psychology of Bilingualism. *Journal of Social Issues*, no. 23, pp. 91–109.
- Landry, R. and Bourhis, R. Y. (1997) Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study. *Journal of language and social psychology*, vol. 16, no. 1, pp. 23–49.
- Myers-Scotton C. (1993) *Social Motivations for Code-Switching: Evidence from Africa*. New York, Oxford University Press. 190 p.
- Sallabank, J. (2013) *Attitudes to endangered languages: identities and policies*. Cambridge University Press. xvi, 271 p.
- Smakman D. and Heinrich, P. (2018) *Urban Sociolinguistics. The City as a Linguistic Process and Experience*. London; New York, Routledge. 242 p.
- Smolicz J. and Secombe M. (1988) Community languages, core values and cultural maintenance: the Australian experience with special reference to Greek, Latvian and Polish groups. In: M. Clyne (ed.). *Australia, Meeting Place of Languages*. Canberra, Australia, Australian National University, Pacific Linguistics. 328 p. Pp. 11–38.

Submission date: 04.07.2024.

Acceptance date: 19.08.2024.